

Научная статья
УДК 34

О ВЛИЯНИИ ОСНОВАНИЙ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НА РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Глеб Павлович ПАНФИЛОВ

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
panfilovgleb@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние проблемы разграничения преступлений и гражданских правонарушений, а также исторические причины, которые привели к ее возникновению. Автором обосновывается, что данная проблема может быть решена не с помощью механического перенесения юридических конструкций из одной отрасли права в другую, а путем анализа целей, ради достижения которых законодатель допускает применение мер гражданско-правовой ответственности и признает отдельные деяния преступными. Приведены критерии разграничения преступлений и гражданских правонарушений применительно к отдельным основаниям криминализации.

Ключевые слова: преступление, гражданское правонарушение, разграничение правовых институтов, основания криминализации, восстановительная функция права, дифференциация юридической ответственности

Для цитирования: Панфилов Г. П. О влиянии оснований криминализации на разграничение преступления и гражданского правонарушения // Криминалистъ. 2024. № 1 (46). С. 63 – 68.

Original article

THE INFLUENCE OF THE GROUNDS FOR CRIMINALIZATION ON THE DISTINCTION BETWEEN CRIME AND CIVIL WRONGDOING

Gleb P. PANFILOV

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, panfilovgleb@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the current state of the problem of differentiation of crimes and civil wrongdoings as well as the historical reasons that led to its emergence. The author argues that this problem cannot be solved by mechanical transfer of legal constructions from one branch of law to another, but rather by analyzing the objectives the achievement of which in the minds of the legislators requires application of civil liability measures, certain acts being recognized as criminal. The criteria are presented for distinguishing between crimes and civil offences as applied to certain grounds for criminalization.

Keywords: criminal offence, civil wrongdoing, delimitation of legal institutions, grounds for criminalization, restorative function of law, differentiation of legal liability

For citation: Panfilov G. P. The influence of the grounds for criminalization on the distinction between crime and civil wrongdoing. Criminalist. 2024;1(46):63-68. (In Russ.).

Несмотря на то что границы между гражданским и уголовным правом достаточно четко проведены на основании различий в предмете и методе правового регулиро-

© Панфилов Г. П., 2024

вания [1, с. 163–164], а основные межотраслевые коллизии успешно разрешаются с помощью нескольких базовых принципов, не вызывающих серьезных споров в научной литературе¹, проблема разграничения отдельных цивилистических и криминалистических институтов не утратила своей остроты до настоящего времени. Наиболее яркое проявление она находит в вопросе квалификации конкретного деяния как гражданского правонарушения или преступления.

Сущностно вопрос о том, чем именно данные правовые явления различаются между собой, не может быть признан решенным ни в отечественной [2, с. 43–73], ни в иностранной доктрине [3, р. 69]. Представляется, что постигшие исследователей неудачи проистекают из трех причин.

Во-первых, цивилистическая и криминалистическая науки развивались неравномерно, и представители одной из них во многом и зачастую некритически опирались на достижения другой. Так, вплоть до начала XIX века развитие науки гражданского права существенно опережало доктринальную разработку основных институтов уголовного права², однако, в свою очередь, уже представления о составе гражданского правонарушения оказались сформированы под сильным влиянием криминалистической литературы [7]³.

¹ Например, признание приоритета гражданского законодательства при оценке конкретного юридического факта [4; 5, с. 235], отнесение к деликтам тех деяний, которые не содержат криминообразующих признаков [5, с. 219–220].

² Данный вывод может быть подкреплён утверждением британского юриста Николы Лейси. По ее мнению, «несмотря на заслуженное уважение, которое современные специалисты в области уголовного права проявляют к авторам великих исследований семнадцатого и восемнадцатого веков, неоспоримым фактом является то, что уголовное право в Англии было формализовано и превратилось в сферу профессиональной деятельности значительно позже и в куда меньшей степени, чем большая часть гражданского права» [6, р. 111].

³ На внешнее единство терминологии о вине, используемой в гражданском и уголовном праве, а равно на заимствование отдельных концепций первым из последнего также обращалось внимание и в англоязычной юридической литературе [10, р. 83; 11, р. 778].

Во-вторых, первоначально существенно проигрывая в разработке конкретных правовых институтов, уголовное право значительно превосходило цивилистическую науку в уровне философского осмысления своих проблем. Указанная тенденция сохраняется и в настоящее время, что, к примеру, позволяет современным западным исследователям определять уровень философского осмысления проблем внедоговорной гражданско-правовой ответственности как «младенческий» [8, р. 21].

В-третьих, недостаточная проработка соотношения институтов гражданского и уголовного права обусловлена пограничным, междисциплинарным характером данного вопроса. Так, по мнению А. Э. Жалинского, проблема соотношения гражданского и уголовного права «сейчас лишь кратко и в самом общем виде рассматривается в уголовно-правовой и игнорируется в гражданско-правовой литературе. Она чаще неструктурированно затрагивается в публицистических выступлениях, иногда — в методических пособиях и вынужденно обсуждается при принятии решений о квалификации деяний, подготовке очередных проектов изменения действующего УК РФ» [4]. Несмотря на, возможно, излишнюю категоричность данного высказывания, оно с достаточной точностью характеризует сложившуюся в науке ситуацию. При этом похожие суждения высказываются и цивилистами, которые обращают внимание на существующую, с их точки зрения, «запущенность» уголовно-правового регулирования в сфере преступлений против собственности [9, с. 118].

Недооценка указанных выше обстоятельств приводит к созданию ошибочных теоретических концепций. Так, по мнению В. В. Александровой, гражданские правонарушения и преступления связаны между собой через понятие объекта воздействия — конкретное частноправовое отношение, влияние на которое одновременно приводит к причинению вреда отношению публично-правовому [2, с. 92, 110, 112–115]. В основу данного рассуждения его автором положена идея о допустимости отождествления объекта преступления и объекта гражданско-правового отношения.

данского правонарушения в связи с тем, что цивилистическая доктрина в своем развитии «повторяет путь, проделанный ранее теорией уголовного права» [2, с. 107].

Представляется, что изложенная позиция скорее подразумевает наличие взаимосвязи между преступлением и гражданским правонарушением, но не объясняет ее. Кроме того, в условиях, когда некоторые ключевые для цивилистики идеи (например, деление договоров на реальные и консенсуальные) в принципе оказываются неприменимы в области уголовного права [12, с. 141–142], сомнения вызывает сама допустимость механического переноса отдельных юридических конструкций из одной из рассматриваемых наук в другую.

В совокупности изложенные причины предопределяют необходимость в более отвлеченном взгляде на проблему соотношения преступления и гражданского правонарушения, чем это принято в отраслевых юридических исследованиях.

Если восстановительный характер гражданско-правовой ответственности за совершение правонарушения не вызывает серьезных споров в доктрине [13, с. 103, 819–820], то причины, по которым конкретное деяние признается преступным, до сих пор являются предметом дискуссий в уголовно-правовой литературе.

Поиск ответа на указанный вопрос в науке воплотился в проблеме оснований криминализации конкретных актов человеческого поведения [14, с. 5, 9], из которых наибольшее значение имеет общественная опасность деяния [15, с. 102].

Между тем было бы ошибкой считать такое «терминологическое» решение научного спора достаточным¹, поскольку правовая и материальная оценка общественной опасно-

¹ Представляется, что лучшей иллюстрацией данного тезиса являются научные работы, авторы которых стремятся к выделению отвлеченных теоретических признаков общественной опасности [22, с. 123–129], применение которых на практике для разграничения преступления и гражданского правонарушения в принципе оказывается весьма затруднительным [2, с. 86–87]. Подобные случаи отождествления понятия о предмете с ним самим, что приводит к преувеличению его соответствия действительности,

сти как основания криминализации деяния сопряжена со значительными сложностями [16, с. 84]. К их числу могут быть отнесены:

историческая изменчивость представлений о круге деяний, которые должны быть запрещены уголовным законом [17, с. 284–285; 18, с. 49–50; 14, с. 126, 128–130; 6, р. 92–94], при одновременном существовании ряда неизменных преступлений [19, с. 443; 1, с. 239];

субъективизм и в некоторых случаях импульсивность поведения законодателя, который принимает решения об установлении уголовно-правовых запретов на основании поводов, но не причин криминализации [18, с. 46; 20, с. 38–41; 15, с. 101–102];

дискуссионность содержания понятия общественной опасности [21, с. 21], а также сложность его применения к конкретным жизненным ситуациям².

Изложенное предопределяет два имеющих существенное значение для настоящего исследования следствия.

Во-первых, число причин, по которым то или иное деяние может быть отнесено к преступным, достаточно велико, и законодатель может учитывать любую из них в момент принятия решения о его криминализации.

Во-вторых, наукой уголовного права не был выработан единый критерий, применение которого позволило бы признать криминализацию деяния конкретного вида необходимой. Например, автор одного из наиболее крупных исследований проблем криминализации американский философ права Джоэл Фейнберг перечисляет десять основных подходов к признанию деяния преступным, большинство из них прямо противоречат друг другу [24, р. 19–20].

С учетом обозначенных ограничений выделение некоего общего критерия разграничения преступления и гражданского правонарушения вряд ли является возможным. Напротив, эффективное решение данной

получили в науке название «реификации», или «овеществления» [14, с. 136–137].

² Неслучайным в связи с существованием указанной особенности представляется встречающееся в криминалистической литературе утверждение о том, что обвинение должно доказывать в том числе общественную опасность каждого конкретного противоправного деяния [23, с. 227, 231–232].

проблемы может быть обеспечено лишь на основании предположения о том, что каждое основание криминализации деяния определяет свой критерий, по которому оно может быть отграничено от гражданского правонарушения.

Не претендуя на полноту изложения, продемонстрируем приведенный тезис на примере нескольких наиболее типичных оснований криминализации, выработанных юридической наукой.

(1) Традиционным аргументом для признания деяния преступлением является крайняя степень его аморальности, фактически ставящая под удар базовые ценности общества¹. В настоящее время значение данного критерия во многом подорвано фундаментальным исследованием британского философа права Г. Харта [25, с. 7–109], тем не менее праву известен ряд случаев, которые не могут быть объяснены без его использования. В частности, в научной литературе приводится пример того, что факт наступления уголовной ответственности за инцест в иностранных правовых системах не зависит от того, что правонарушителями применяются средства контрацепции, исключающие возможность наступления неблагоприятных социальных последствий [26, с. 127].

Применительно к российскому уголовному законодательству к рассматриваемой группе могут быть отнесены, например, повреждение воинских захоронений (ст. 243.4 УК РФ), надругательство над телами умерших (ст. 244 УК РФ), жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ).

Указанному пониманию преступности деяния соответствует такой критерий его разграничения с гражданским правонарушением, как степень недобросовестности, выход за рамки которой должен «влечь за собой реальную административную или уголовную ответственность» [28]. Метод определения недобросовестности должен основываться на установлении степени отклонения

¹ См., напр., следующее емкое описание американского исследователя Дж. Холла: «Именно безнравственность правонарушения, связанная с понятием общественных нравов, придает ему социальное значение. Только она, а не число убитых или объем поврежденного имущества, делает его вредоносным для общества» [27, р. 972].

поведения лица от принятых объективных требований, поскольку негативного стандарта отклонения от нормы поведения не может существовать [27, р. 980].

(2) Не менее часто признаком преступного деяния признается степень присущей ему вредоносности, которая проявляется в посягательстве на наиболее значимые для существования общества объекты и социальные связи. Таковы, например, убийства, преступления против половой свободы и терроризм. Деяния данной группы всегда будут признаваться преступными.

(3) В некоторых случаях уголовный запрет используется как средство предоставления гарантий определенного поведения лица в целях обеспечения общей безопасности.

Исторический пример подобного рода приводится знаменитым американским юристом О. Холмсом в его работе «Общее право» (1881). Так, в одном из проектов уголовного кодекса Индии предусматривалась уголовная ответственность за нарушение договора перевозки пассажиров. Необходимость ее установления была обусловлена тем, что носильщики паланкинов были почти нищими, а потому не могли возместить какой-либо имущественный ущерб и не боялись угрозы его возмещения. При этом зачастую они перевозили беззащитных женщин и детей через пустынные и дикие районы, что предопределяло необходимость отыскать способ заставить перевозчиков выполнять условия договора [29, р. 40–41].

К числу таких составов в российском уголовном праве относятся, например, оставление в опасности (ст. 125 УК РФ), нарушение правил безопасности при ведении работ (ст. 216 УК РФ), а также нормы, направленные на недопущение совершения противоправной сделки [30, с. 346]. Преступления указанной группы, как правило, не вызывают сложностей при их разграничении с гражданскими правонарушениями.

(4) Несомненно, преступными должны признаваться деяния, которые посягают на общественный интерес и не имеют частного потерпевшего (государственная измена (ст. 275 УК РФ), разглашение государственной тайны (ст. 283 УК РФ) и т. д.).

Как следствие, возможность устранения их последствий с помощью применения гражданско-правовых компенсационных механизмов отсутствует, что и выступает критерием разграничения преступления и гражданского правонарушения¹.

Естественно, решение о криминализации конкретного деяния может быть принято исходя одновременно из нескольких из

перечисленных выше оснований. Они могут не выделяться законодателем отдельно, а восприниматься им как часть целостной картины мира [14, с. 142]. Однако указанные особенности не исключают полезности выделения критериев разграничения преступлений и гражданских правонарушений с учетом конкретных оснований криминализации.

Список источников

1. Межотраслевая дифференциация уголовной и иных видов юридической ответственности: итоги теоретического моделирования : монография / А. В. Голикова, Е. В. Кобзева, Н. А. Лопашенко [и др.] ; под ред. Н. А. Лопашенко. Москва : Юрлитинформ, 2021. 478, [1] с.
2. Александрова В. В. Преступления в сфере экономики: проблемы соотношения и разграничения с гражданскими правонарушениями : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Александрова Виктория Викторовна. Москва, 2018. 259 с.
3. Corlett J. Angelo Responsibility and Punishment. Springer, 2013. 266 p.
4. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен : теоретико-инструментальный анализ. Москва : Проспект, 2009. 400 с.
5. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». Москва : Городец, 2007. 336 с.
6. Lacey N. Implications for Legal Theory and Legal Scholarship. Oxford : Oxford University Press, 2016. 205 p.
7. Фогельсон Ю. Б. Российское гражданское право с точки зрения социологической юриспруденции (владение, недвижимость, убытки) // Закон. 2019. № 9. С. 160–173.
8. Postema J. M. Introduction : Search for an Explanatory Theory of Torts // Philosophy and the Law of Torts. Cambridge University Press, 2001. P. 1–21.
9. Лавров Д. Г. Мошенничество глазами цивилиста : монография. Москва : Проспект, 2020. 168 с.
10. Beever A. A Theory of Tort Liability. Hart Publishing, 2016. 272 p.
11. Hall J. Interrelations of Criminal Law and Torts: I // Columbia Law Review. 1943. VOL. XVIII. № 6. P. 753–779.
12. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ. Монография. В 2 ч. Ч. 1. Москва : Юрлитинформ, 2015. 336 с. (Уголовное право).
13. Иоффе О. С. Обязательственное право. Москва : Юрид. лит., 1975. 880 с.
14. Основания уголовно-правового запрета : Криминализация и декриминализация / В. Н. Кудрявцев, П. С. Дагель, Г. А. Злобин [и др.] ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. Н. Яковлев. Москва : Наука, 1982. 303 с. (Право и социология).
15. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. Москва : Волтерс Клувер, 2009. 579 с.
16. Прокументов Л. М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4. С. 81–91.

¹ См., напр., следующую формулировку данного принципа применительно к обязательствам из причинения вреда в работе дореволюционного цивилиста И. М. Тютрюмова: «Конечно, как уголовный, так и гражданский иск имеют общим источником своим один и тот же факт преступления, но вместе с тем оба иска резко между собою различаются: в то время как уголовный иск, направленный к осуществлению высших задач правосудия и имеющий целью охранение интересов публичного порядка, предметом своим имеет применение установленного в законе наказания, гражданский иск, направленный на возмещение имущественного ущерба, причиненного преступлением, в основании своем имеет имущественный, чисто личный интерес» [31, с. 65–66]. Разный характер восстановительной функции в уголовном и гражданском праве признается и в современной уголовно-правовой литературе [30, с. 351–353].

17. Дурманов Н. Д. Понятие преступления. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1948. 315 с.
18. Епифанова Е. В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность. Москва : Юрлитинформ, 2012. 152 с. (Уголовное право).
19. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность // Избранные труды. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003.
20. Капинус О. С. Криминализация и декриминализация деяний: поиск оптимального баланса // Общественные науки и современность. 2018. № 4. С. 37–46.
21. Прохоров В. С. Преступление и ответственность. Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. 136 с.
22. Агафонова М. А. Основание криминализации деяний // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2015. № 5. С. 123–129.
23. Жалинский А. Э. Общественная опасность преступления в структуре уголовно-правовой оценки деяния // Избранные труды. В 4 т. Т. 2. Уголовное право. Москва : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. С. 227–237.
24. Feinberg J. The Moral Limits of the Criminal Law. Vol. 4, Harmless Wrongdoing to Others. New York : Oxford University Press, 1990. 380 p.
25. Харт Г. Л. А. Право, свобода и мораль. Москва : Изд-во Института Гайдара, 2020. 136 с.
26. Моисеев С. «Право, свобода и мораль» Г. Л. А. Харта и современная философия права // Харт Г. Л. А. Право, свобода и мораль / пер. с англ. С. Моисеева. Москва : Изд-во Института Гайдара, 2020. С. 111–130.
27. Hall J. Interrelations of Criminal Law and Torts: II // Columbia Law Review. 1943. VOL. XVIII. № 7. P. 967–1001.
28. Яковлев В. Ф. О кодификации гражданского законодательства современной России // Основные проблемы частного права : сб. ст. к юбилею д-ра юрид. наук, профессора А. Л. Маковского / отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. Москва, 2010. 573, [1] с.
29. Holmes O. W. The Common Law. Boston : Little, Brown, 1881. 409 p.
30. Пикуров Н. И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук / Пикуров Николай Иванович. Волгоград, 1998. 410 с.
31. Тютрюмов И. М. Возмещение вреда и убытков от преступления // Журнал Министерства Юстиции. 1896. № 8. С. 61–76.

Информация об авторе

Г. П. Панфилов – преподаватель кафедры гражданского процесса юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Information about the author

G. P. Panfilov – Lecturer at the Department of civil procedure of the Faculty of Law of St. Petersburg State University.